

А. Андреев

МИР ТРОПЫ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ
ЭТНОПСИХОЛОГИИ

Александр Шевцов

**Мир Тропы. Очерки
русской этнопсихологии**

«Издательство Роща»

1998

Шевцов А. А.

Мир Тропы. Очерки русской этнопсихологии / А. А. Шевцов —
«Издательство Роща», 1998

ISBN 978-5-990996-76-2

Первое издание этой книги вышло в 1998 году. Она начала серию публикаций, посвященных русской этнопсихологии, этнографии и философии. Основой для сборника послужили личные этнографические сборы А. Андреева (А. А. Шевцова), давшие начало работе по изучению и возрождению одной из ветвей народной культуры, носители которой жили на Верхней Волге и именовали себя мазыками или потомками офеней. В четвертое, дополненное издание книги, добавлены статьи автора, опубликованные в 1997-98 годах, а также главы из его более поздних работ, посвященные мазыкам. Литература предназначена к прочтению лицам, старше 12 лет.

ISBN 978-5-990996-76-2

© Шевцов А. А., 1998

© Издательство Роща, 1998

Содержание

От издательства	6
Мир Тропы	7
Этнография	17
Духовное пение старой Руси	18
Харлампыч	18
Поханя	20
Вабить	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

А. Андреев
Мир Тропы
Очерки русской этнопсихологии

© Шевцов А.

© Издательство «Роща»

* * *

От издательства

Книга «Мир Тропы» представляет собой сборник, рассказывающий об источниках, с которых в 1991 году начиналась работа по изучению и возрождению одной из народных традиций, именовавшей себя мазыками или потомками офеней.

Основой для сборника послужили личные этнографические сборы А. Андреева, а также его попытки осмыслить собранные им во время его этнографических поездок материалы.

Андреев (Шевцов) сам прекрасно осознавал ненаучность своей первой книги, но она явилась для него поводом для проведения полноценных научных исследований приведенного материала. В третьем издании, помимо первоначальных записей, мы приводим главы из его книг, в которых он рассказывает о тех людях, которые были источниками знаний, обозначенных в исходных очерках. По этим главам вы сможете судить о том, как развивалось исследование мазыкской культуры.

Мазыки или офени – бывшие коробейники, жили как замкнутая группа населения, своего рода профессиональное сообщество с очень высоким чувством выделенности из окружающего крестьянского мира. По уровню самоосознавания это сообщество во времена его расцвета приближалось к малым этническим и вероисповедальным сообществам. У них имелся свой (тайный) язык и определенная ритуалика, которая не успела сложиться в нечто цельное, как не развилось и внутреннее самоуправление. Последняя треть прошлого века с ее интенсивным развитием крупного капиталистического производства была роковой для офеней. Сообщество коробейников, до этого торговавшее вразнос от Сибири до Кавказа и Берлина, медленно умирает, не оставив после себя заметного следа.

Причины отмирания института офенства хорошо изучены наукой и не рассматриваются в этой книге. Гораздо интереснее то, что внутри этой субкультуры хранились некоторые архаичные явления, которые, хотя и, безусловно, несут оттенок народного мистицизма, тем не менее, со всей определенностью могут быть названы «наивной психологией», так как имеют черты системы знаний о душевном устройстве человека.

Мир Тропы

Мир! Что такое мир? Сейчас стало модно использовать это слово. Целые полки книг с надзаголовком «Миры такого-то». Это уже привычно и это манит. Значит, в этом понятии есть сила, оно магично. Но что такое Мир?

Мир – это пространство, в котором можно жить. Жить телесно или духовно. Если пространство предоставляет все необходимое, чтобы жизнь не погибла – это уже мир, даже если это всего лишь камера или палата. Но если оно дает пищу охоте – так в старину называлось желание, – то это уже желанный мир! Потому что охота, охота жить – это и есть то желание нашего духа, которое приводит его в мир.

Наш народ называл Миром и Покой, и Место жизни, Землю, и Общину. Русские жили миром. В сущности, говоря о Мире, мы говорим об определенной культуре, если использовать это современное слово, ставшее более привычным и понятным, чем Мир.

Правда, родившееся в итоге этих усилий общественное движение Тропа Троянова умерло уже несколько лет тому назад вместе с олицетворявшим его Обществом русской народной культуры. Обидно. Но, к нашей гордости, в итоге мы потеряли только поверхностное и наносное, пену, скрывавшую настоящее. А настоящим было изучение народного быта и сохранение того, что может быть полезно и ценно для современного русского человека.

А это – ремесла, обычаи, народная психология, русская школа предпринимательства, Наука думать, в конце концов...

Тропа не состоялась как попытка возродить некую культуру, которая исторически отжила свое время. Но это не значит, что эта попытка не была красивой и полезной. Мы не хотим утратить того, чтобы было в ней ценного, и потому переиздаем все материалы о культуре мазыков или офеней, как называли себя те люди, у которых я вел свои первые этнографические сборы.

Эти сборы не были мною оформлены по жестким научным требованиям. Не было у меня такой возможности, да я и не умел этого тогда, в самом начале. Впоследствии было много сборов, где мы очень этнографичны, и эти сборы подтверждают многое, из рассказанного в этой книге. Мы их вели-то, чтобы снять сомнения в подлинности приведенных здесь свидетельств.

Материалы эти доступны через наши издательства и Училища. И в них есть и совершенно волшебные съемки, к примеру, того же перепекания, которое до сих пор бытует в некоторых уголках России. Есть и отчеты о поездках по деревням, где до сих пор говорят на офеньском языке...

А есть и вполне научные работы, написанные мною, чтобы понять русскую народную психологию, где я не рассказываю об учивших меня мазыках, а сравниваю их Психологию с Психологией академической. И показываю и отличия, и выигрышные стороны.

Если вам покажется, что эта книга легковесна, не судите слишком строго, это не более, чем мои записки о поездках по любопытным местам России. Если вам нужна научность, берите те книги, за которые я отвечаю по научным критериям. Эта книга написана давно и была для меня самой первой попыткой осмыслить то, что мне открылось. Порой мне казалось, что я захлебываюсь от переполнявших меня переживаний, наверняка, это отразилось и в том, как я писал...

И все же, это попытка понять себя и культуру моего народа.

Но что такое народная культурная? Очень сложное и трудно определяемое понятие. Границы его всегда размыты. Осознание себя как некоей субкультуры ограничивается достаточностью для крестьянской жизни, иными словами, его просто может и не быть. Иллюстрация этого элемента русской народной психологии дается Д. К. Зелениным в статье о русских

народных присловьях: «Изучая великорусские присловья-прозвища, мы, прежде всего, убеждаемся, что они даются *новым переселенцам* в известную местность со стороны прежних, старых жителей данной области.

Появление в таких случаях прозвищ-присловий психологически вполне понятно. Нужно же как-нибудь называть новых соседей, необходимо окрестить их каким-либо именем. Еще Бог знает, как они сами-то себя называют; а скорее всего, и никак не называют, точнее, называют общим именем, какое дает себе великорус, где бы он ни находился, это хрестьянин. В особом имени для *своих*, для самих себя великорус не нуждается, довольствуясь одним указанием на свою христианскую веру: он хрестьянин. Но ведь новые поселенцы – не “свои”, а чужие. Мало того, что они незнакомые, не родня; у них все не “наше”. (При замечательном однообразии деревенского быта даже мелкие отличия в одежде, пище, говоре и т. п. кажутся резкими и обращают на себя особое внимание)» [2, с. 41].

Народная культура – это не наука. Народная культурная традиция на самом деле – это не нечто абстрактное, а люди, простые люди, знающие что-то такое, чего остальные или окружающие не знают. Им этого достаточно, никаких попыток систематизировать, определять границы явления для того, чтобы ощущать себя выделенными из окружающего мира, чаще всего не делается. Им достаточно самой выделенности! Да, это совсем не наука, которая в начале становления любой из своих отраслей, озабочена тем, как выделиться и заявить о себе. У явлений народной культуры другие задачи, как и у самого крестьянского мира – выжить и жить так, как это видят они. А для этого чаще всего приходится не кричать о себе, а как раз наоборот – прятаться и прятать свою Веру. Кстати, вера для русского крестьянина понятие не религиозное. Вера означает обычаи. Меня, к примеру, мои старички частенько встречали такими словами: «У нас вера такая – мы без самовара с гостем за стол не садимся!»

Если бы мои собственные дед и бабка не были своими в Тропе, я бы никогда не был принят моими информаторами (отвратительное для русского человека слово, но я употребляю его, чтобы показать, что пришел я к ним еще «ученым», «исследователем» традиционной культуры, а среди ученых – этнографов и фольклористов – принято говорить так, ставя между собой и другим этот щиток наукообразности, чтобы ни в коем случае не выпасть из рамок чистой науки). К счастью, я скоро сдался и начал учиться у принявших меня стариков. Тогда мне удалось кое-что понять в этой «культурной традиции». Начну по порядку, сначала об источниках.

Очень многое пришло из записей моего деда. Даже название Тропа, Тропа Троянова взято мной оттуда. На самом деле оно не является самоназванием. Старики вполне обходились без самоназваний, жили и жили себе. Дед же называет Тропой Трояновой Млечный путь и называет его путем Руси. Звучит это у него так: «Русь пришла на Землю Тропой Трояновой, идет Тропою по Земле и Тропою уйдет, когда исполнится сорок тысяч лет». Ясно, что исходил он из нескольких начальных строк «Слова о полку Игореве»:

О Бояне, соловию старого времени,
абы ты сиа плъкы ущекоталь,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умом под облакы,
свивая славы обаполы сего времени!
Рища в тропу Трояню чресь поля на горы [3, с. 92].

Однако при этом он считал, что хранит и передает вместе с остальными стариками некие знания того, как идти и куда идти. Моя бабушка Екатерина Ильинична называла Млечный путь то «Молочная река в творожных берегах», а то и «Молочная тропа». Я это помню. Конечно, Млечный путь, как основное тело нашей галактики, никакой тропой Руси не является, но он,

безусловно, место, где мы живем, а значит (если межпланетные полеты возможны) и место, где мы путешествуем. Если только межпланетные полеты возможны...

Для меня же лично очень скоро, после знакомства со стариками, оказалось, что они сами с их знаниями и мировоззрением и есть путь или, по крайней мере, его привратники, хранители начал.

Дед мой, Владимир Харлампович Комаров, был потомственным уездным писарем и любил пописывать в славянофильском ключе. Возможно, страсть эта была у него наследственной, потому что от его отца, Харлампа Сосипатрыча, и деда – Сосипатра Силыча – тоже оставались какие-то тетради с записями. Бабушка рассказывала мне, что сожгла их в тридцатом году, когда деда по доносу на полгода забрали в НКВД (или как это тогда называлось?). Что было в тех тетрадях, я не знаю, но у деда есть намеки, позволяющие считать, что многое из них он по памяти восстановил в «амбарных книгах», которые оставил мне по завещанию. Писать их он начал за полгода до моего рождения, каким-то необъяснимым способом посчитав, что должен родиться преемник. Более того, он даже предупредил своих друзей, что однажды я к ним приду. Это поразительно, но через много лет я к ним действительно пришел!

Бабушка долго хранила эти тетради после смерти деда и передала мне только лет в семь-восемь, когда стала себя плохо чувствовать. Видимо, еще в страхе перед событиями тридцатого года, она сказала, что это «дедушкин завет», и велела поклясться, что я никогда и никому их не покажу. Я, конечно, поклялся, но довольно скоро перестал относиться к этому всерьез. Сужу об этом потому, что тетради эти как-то затерялись в доме, а потом обнаружились снова, когда мне было уже лет двадцать, и оказались разрисованными цветными танками. Я даже не помнил, когда я это сделал...

В то время я уже учился на истфаке, и у меня развились некоторый профессионализм и, своего рода, академический снобизм. Я просмотрел тетради и пренебрежительно оценил дедовские опусы как псевдоисторические домыслы. Однако тот же профессионализм заставил меня отнестись к ним как к историческому документу определенной эпохи, и при этом, как это ни странно, я не только сохранил их, но даже никому не показал. Тогда я не понимал, почему так поступаю. Сейчас, когда я совсем по другому отношусь к дедовскому наследию (хоть и не без улыбки порой, но с уважением) и даже начал публиковать некоторые из его материалов, – сейчас я, пожалуй, горжусь тем, что умудрился ни разу не нарушить свою клятву. В том, что я избежал по случайности всех искусов хвастовства, есть для меня нечто мистическое, как и в том, что кто-то из стариков тридцать лет ждал прихода наследника Харлампыча.

Впрочем, я оказался у них вовсе не из-за этих тетрадей. Это было совершенно случайно, я даже не начинал эти сборы как фольклорист или этнограф. Меня интересовали ремесла. Я ездил по всей Ивановской области в поисках мастеров. В итоге, я вполне естественно оказался однажды в своей родной деревне в Савинском районе. А там пошло и поехало!.. В конце концов, я позабыл то, зачем пришел, и стал брать то, что давали. Вот об этом и рассказ.

Все троповые старики, у которых мне довелось поучиться на территории Ивановской и Владимирской областей, считали себя потомками офеней и называли по старинке офенями. Но соседи считали их колдунами и, рассказывая о них, приглушали голос. Мне повезло и лично как человеку, и как этнографу. Как этнографу-собирателю, пожалуй, даже очень и очень повезло. Не многим из этнографов довелось полноценно, по-свойски войти в мир хотя бы одного колдуна. У меня же в жизни их было несколько. Считали ли они сами себя колдунами? Вопрос не однозначный. Первому из них, Степанычу, я его задать так и не рискнул, хотя очень хотел. А вот у второго, по прозвищу Дядька, однажды спросил. Не передам дословно, как прозвучал его ответ, но смысл его сводился к одному старому анекдоту:

Идет мужик по лесу, видит: сидит какой-то человек на суку и рубит его под собой.

- Эй, ты чего делаешь?
- Дрова рублю!
- Так навернешься же!
- Вали отсюда, без советчиков обойдусь!
- Ну, руби, только навернешься! – махнул рукой и пошел дальше.
- Иди, иди, не мешай работать!
- Только отошел немного, слышит: хрясь!
- Эх ты! Вот ведь колдун, а!

Можно было бы посчитать, что колдовство они считали просто здравым смыслом. Но если быть до конца точным, то как раз здравый-то смысл они и не уважали, считая его одной из ловушек нашего мышления. Воротами в человеческое естество они считали не здравый смысл, а Разум, но рассказывать об этом придется особо, когда дойдем до их Науки мышления. К счастью, они не только делились со мной своими знаниями, они учили. Это редкая удача, я могу это уверенно заявить, потому что в моей жизни были встречи и с другими колдунами, и с шаманами, и волхвами новой формации, но о некоторых из них я узнавал, что они колдуны, только через много лет, а с некоторыми даже не смог начать разговор, как это было с одним хантыйским шаманом. Эти учили и учили, по-своему, системно. Не могу похвастаться, что и я стал колдуном, но вот понять их я постарался. Удалось ли мне это полноценно – не знаю. Как удалось, так и расскажу. Начну с истории.

Изредка мои старички рассказывали о своих отцах и дедах, но больше о прадедах. Прадеды у них были скоморохами. Целой артелью бродячих скоморохов, ходоков, пришли они в конце XVII века, но уже при Петре, в Шую, а потом «испоселились» в нескольких деревнях Шуйского, Ковровского и Суздальского уездов. Офеней так и звали в прошлом веке – суздаля. Но еще их звали мазыками.

Один из моих старичков – Дядька – рассказывал мне, что мазыки или музыки – это своеобразная аристократия среди офеней, потому что они-то как раз и вели свой род от тех скоморохов-музыков. Отсюда, говорил он, и два имени блатного языка – фени, который, как общеизвестно, произошел от тайного офенского языка и до сих пор хранит многие из его слов. Прочитую Михаила Грачева. В книге «Язык из мрака: блатная музыка и феня» у него говорится: «Слово феня обозначает то же самое, что и блатная музыка, и оно, конечно, никак не связано с женским именем, а является одним из элементов воровского фразеологизма ботать по фене – “говорить на языке деклассированных”. Когда-то оно имело следующий вид: по офене болтать, т. е. говорить на языке офеней. Офени – это торговцы мелким товаром, у них был свой условно-профессиональный язык, который они использовали при обмане покупателей, в опасных ситуациях, когда нужно было скрыть свои намерения и действия. Бродячая, полная риска профессия офеней сделала их близкими к людям “дна”. И поэтому не случайно в лексике деклассированных элементов имеется значительное количество слов, перешедших из условно-профессионального языка офеней» [4]. Блатные, если верить Дядьке, не только позаимствовали у офеней тайный язык, но и заметили, что их у офеней два: общий для всех офеней и особый, на котором говорили только мазыки или музыки. Именно поэтому блатной жаргон называется то феня, то блатная музыка. Но, взяв феню, блатные не смогли освоить языка мазыков, его и офени-то знали немногие. Дядька, как и процитированный мною Грачев, считал, что это произошло из-за того, что торгашеский язык офеней подходил блатным потому, что был полуворовским. А вот мазыкская речь им попросту была не нужна, настолько она была специфически скоморошья. Называлась она, если верить Дядьке, «язык-огонь» и «язык-свет», а феню сами офени звали «маяк».

Исторических подтверждений существования таких языков у офеней я найти не смог, сколько ни старался, но, тем не менее, отказываться от этого названия не хочу, потому что очень многое рассказывалось мне с постоянными уточнениями: «На Огне это называется так-то». Даже если это очень поздняя придумка, она уже факт культуры и, к тому же, облегчает понимание той «науки», с которой мне довелось столкнуться.

Итак, дедовские записи, рассказы бабушки и несколько лет обучения у потомков офеней и, может быть, скоморохов – вот что стало начальными источниками по возрождению традиции, которую мы называем Тропой. Затем начались целенаправленные этнографические сборы и поиск подтверждений в науке – этнографии и психологии, который мы ведем уже все вместе, всей новой Тропой.

Постоянный поиск этнографических подтверждений оказался принципиально важным, потому что к девяносто шестому году умерли все старики. Мы оказались с колоссальным по объему и во многом практически не имеющим аналогов материалом на руках. Мы до сих пор по детски радуемся, когда очередное этнографическое издание, попавшее нам в руки, приносит новое подтверждение того, что мы знали по единичным свидетельствам наших учителей. Это значит для нас, что знания наши, несмотря на всю уникальность, не оторваны от общей народной культуры, и в них проступают подчас невидимые в других явлениях русской культуры законы развития русского духа. Именно это присутствие четких и даже жестких закономерностей в исследуемом материале заставило нас отойти от фольклорно-этнографического подхода в чистом виде и перейти к исследованию психологическому, рассматривая полученные знания как народную школу «наивной» психологии.

Традиция изучать народную психологию этнографически вообще родилась в России задолго до появления в конце прошлого века «народной психологии» в Германии. Сейчас бы я отнес ее к источникам или составным частям современной культурно-исторической психологии. Тем не менее, мы сохраняем за тем предметом, что описывается в этой книге, название «Прикладная этнопсихология». Этнопсихология – в значении психология этнографическая, а не этническая. А прикладная потому, что мировоззрение Тропы, которое и есть основа этой психологии, родилось в те времена, когда мир спасала еще не наука, а магия. Про магию же – когда я спросил, можно ли так говорить про русских колдунов – мой первый учитель Степаныч сказал:

– Магия значит могия. Кто может, тот и маг!

Деды. Их обычаи заставляли их прятаться, исчезать от глаз наблюдателей и даже доброхотов. Я ходил к ним семь лет, но мне ни разу не разрешили ни фотографировать, ни записывать на магнитофон и даже вместо имен требовали использовать прозвища. Их отговорки казались подчас такими наивными! Записывать нельзя было, потому что «некогда», фотографировать – потому что «нечего тут фотографировать», рассказывать о Тропе и о них – потому что, пока ты не понял, ты наврешь, а когда поймешь, то будешь «рассказывать себя», а не о других. Даже говоря о них.

Я понимал, что это традиция, переданная им их собственными родителями и дедами, но далеко не сразу с этим смирился. Желание как-то обжулить их, обмануть и сделать тайком записи казалось мне ложью во спасение. Степаныча я боялся и поэтому нарушать запреты не рисковал. А с Дядькой однажды попробовал. Он был очень «ругучим», но с ним было не так страшно. Я взял диктофон, зарядил и спрятал во внутреннем кармане в надежде, что сумею незаметно включить, когда Дядька начнет рассказывать что-нибудь интересное. То ли он все понял, то ли почуял подвох, а может, что гораздо вероятнее, просто не мог начать настоящего разговора, пока я не в подходящем состоянии сознания, – но он мурыжил меня всяческой чепухой, наверное, часа два. Все это время я, естественно, был в напряжении, потому

что боялся, что он заметит магнитофон, мысли мои постоянно сбегали к образу того, как незаметно его включить и, самое страшное, как выключать, чтобы – не дай бог! – он не щелкнул сам, когда испишет всю пленку. К тому же все это перемежалось постоянными переживаниями и по поводу того, что меня уличат во лжи – я же обещал ничего не записывать (все то же «некогда ерундой заниматься – пришел учиться, ну и учись!»), что меня вообще выгонят и больше не примут, что я вообще обгажусь, как последний обманщик и подлец. В конце концов, я не выдержал всех этих мучений, принял решение, что никогда больше ничего не буду делать тайно от стариков, сбежал под каким-то предлогом от Дядьки и быстренько спрятал магнитофон в рюкзак. И тут же понял, что сразу же и нарушил только что принятое решение ничего не делать тайком. Пришлось пойти к Дядьке и все рассказать. Вопреки всем моим ожиданиям, мы долго смеялись, и сразу же пошла интереснейшая и сложная работа. Тогда мой разум впустил в себя наипервейшее требование троповой прикладной психологии – быть искренним.

Это было на второй год моих сборов, но лишь на третий год, когда они превратились из «фольклорно-этнографических экспедиций» в учебу, я однажды осознал, что что-то во мне, точнее, в моем мировоззрении принципиально изменилось, я понял и то, что за всем в Тропе стоят глубокие психологические и психотерапевтические механизмы. В том числе и в освобождении от собственного имени, как это, кстати, делается при любых переходных обрядах во всех религиях и верованиях мира. Время идет, мои знания Тропы углубляются, и с ними растет уважение к начальным требованиям стариков. Поэтому мы до сих пор применяем этот прием на Тропе и меняем свои имена на учебные, чтобы прошлое не так тяготело над пришедшими за обновлением.

Тропа не любила о себе рассказывать. Времена были такие. «Побольше помолчишь – подольше поживешь», – говорили мне. Всего десяток лет назад один из троповых стариков поразил меня своими словами, когда я просил разрешения опубликовать какие-нибудь материалы о Тропе и о нем:

- Даже когда я умру, никогда не поминай моего имени!
- Но почему? Времена уже другие!
- Времена, может, и другие, а люди те же. У меня внуки есть.
- Ну а внукам-то что могут сделать?!
- Что? Затравят!

А он был одним из умнейших людей, которых я встречал в своей жизни, как я это сейчас понимаю. И исходил он даже не из жизненного опыта, а исключительно из знания того, как устроено человеческое мышление, какова его механика.

Не выделяться из окружения, не привлекать к себе внимания было с рождения воспитано в них обычаем. Выставить их сейчас на всеобщее обозрение значит не только нарушить этот обычай и их заветы, но и выставить искаженно. Я не смог получить свои знания о них в ходе чистого научного сбора информации. Мое общение со стариками было глубоко личным. Когда я приезжал, они все обставляли так, что мне крайне редко приходилось встречаться с их родственниками или даже соседями. Например, последний из старичков, Похання, когда приезжала на выходные внучка с дочерьми и мужем, здоровенным битюгом лет сорока и за центнер весом, тут же говорил мне с заговорщицким видом: «Толстомордый приехал. Уходим задами в подполье». И уводил меня в маленькую избушку, которая стояла у них «на задах» – в дальнем конце огорода. И мы практически не выходили из избушки, пока родственники не заканчивали свои дела и не уезжали. Они приезжали из Коврова в основном из-за картошки, которую сажали на участке у Похании. Ни я, ни Похання, ни его знания их просто не интересовали. Мне кажется, они считали его чокнутым. Его жена, тетя Катя, никогда нас не выдавала и спокойно «брала родственников на себя». Она приходила только перед самым отъездом и

звала Поханю прощаться. Я вначале рвался проявить вежливость и сходить вместе с ним, но мне быстро и без лишних слов объяснили, что это ни к чему. Только хуже будет. Я вспомнил недоброжелательный взгляд Толстомордого и больше не рвался.

Жена Дядьки тетя Нюра, когда я приезжал, соседей дальше крыльца не пускала: «Занят. Не беспокойте». К Дядьке в деревне относились с почтением и беспокоить в таких случаях не решались.

Кроме всего прочего, я довольно быстро понял, что я прихожу к старикам не за диссертацией, а за чем-то совсем другим. Сейчас я бы назвал это мировоззрением. И они понимали это и, если можно так выразиться, старались соответствовать моему запросу. Можно сказать, что для общения со мной, еще точнее было бы сказать, что для общения с тем вопросом, который приходил со мной, они вычленили соответствующую часть себя из всей своей полноты. С одной стороны, это была для меня самая интересная часть этих людей, с другой, очень многое терялось, особенно бытового, повседневно-поверхностного, что было просто не нужно нам на земле нашего общения, но что обычно и составляет основной объем «личности для других». В итоге в моих описаниях они перестали быть полноценными, живыми людьми, а стали, в общем-то, литературными персонажами. Я обеднил и изменил их помимо своего желания уже тем, что своим интересом заставлял при мне жить только той частью себя, которая мне была нужна. Я определенно знаю, что если я сейчас раскрою их имена, их родственники скажут, что это неправда, наш дед или наша бабушка никогда не были такими! Он все придумал, все наврал!

Да, я многое придумал, додумал и даже приписал им. Я писал свои записи всегда значительно позже насыщенного общения и головокружительной учебы, а уж обрабатывал спустя много лет. Тогда я уже плохо помнил конкретные, точные слова, за исключением врезавшихся в память. Но зато, по прошествии лет, вдруг соединялись в моей голове разрозненные случаи, приходило понимание, и я начинал видеть, что же стояло у дедов за словами и поступками. Тогда-то я и бросался записывать свое «откровение». И тут же понимал, что очень плохо помню, как же они подводили меня к осознанию этого. И сколько я ни пытался быть предельно точным, как этнограф при записи быличек, ничего не получалось. Я даже доходил до отчаяния. Но однажды я окончательно плюнул на свое желание состояться как ученый и решил, что полученные мной знания важнее, чем карьера и неуязвимость. Тогда, на основе старых записей, я начал создавать обобщающие образы каждого откровения. В общем, это уже мое видение. Неожиданное оправдание себе я, спустя годы, нашел в статье А. Л. Налепина, посвященной такому же собирателю-дилетанту, но одновременно классику нашей фольклористики – Н. Е. Ончукову. Современная наука упрекает его во множестве упущений, сделанных при записи сказок и былин. Однако: «Все эти очевидные для современной фольклористики аксиомы, как мы видим, были хорошо известны и фольклористам рубежа XIX–XX вв. Однако собиратель-одиночка (а именно это характерно для фольклористики той эпохи), работая на пределе физических сил и исследуя огромные в географическом отношении районы, не успевал все эти требования выполнять – надо было срочно фиксировать навсегда уходящее, и, как показала история, в этом они были правы» [5].

Со стариками нельзя было быть ученым или репортером. Передо мной сразу же и очень жестко был поставлен предельно личный вопрос: «Зачем ты пришел?» И он ставился неоднократно и всеми ими. Ставился сразу в нескольких плоскостях, начиная от Бога и Русского пути и до самых бытовых целей. И постоянно жесткий выбор – или то, или другое, но не посерединке. И ответ прямо сейчас. Или уходи – если ты не искренен, то нам есть чем заняться и без тебя. По сути, выбора и не было на самом-то деле. Они меня готовы были принять только таким, с каким им было приятно проводить время. Это были последние годы их жизни, и они проводили их в свое удовольствие. Но мое мышление требовалось перестроить, убрать из него разъедающую интеллигентскую потребность сохранять множество путей к отступлению и раз-

мазывать себя недееспособной кашей по тарелке умствований. Поэтому я подвергался, с одной стороны, постоянной чистке, а с другой, перестройке мышления, «мыслена древа». А это, в первую очередь, означает искусство видеть выбор, узнавать его и принимать определенные решения, поскольку древо это строится нами из решений на основе выборов. Частенько это казалось мне чуть ли не садизмом с их стороны, по крайней мере, излишней жестокостью. Но когда через год ушел первый учитель, я понял, что времени сюсюкать действительно нет. Ни у дедов. Ни у меня. Просто ни у кого нет лишнего времени!

Ни я, ни они не такие, как это мной описано. Но там, внутри, в нашем Мире мы были такими и только такими. Там иначе нельзя.

Да, я вошел в Тропу, как в иной мир. Но как об этом рассказать? Ведь он почти ничем не отличался от привычного мира обыденности и в то же время был совсем иным. Это были те же русские деревни с их колхозно-советским наследием, в которых я жил и раньше. Но было в них что-то от Диккенсовской Лавки древностей.

Помню, в детстве я прочитал про эту лавку, которая всегда находится где-то рядом, на одной из узких и привычных до стертости Лондонских улочек, но которую никак не удастся найти самому, по своей воле. Кажется, вот она улица, вот тот приметный дом, и вон за тем углом стоит она, но нет... нет... нет... А потом она внезапно сама появляется на твоём пути там, где ты ее не ждешь и не ищешь, и дарит путешествие в сказку.

И я нашел такую лавочку в Иванове – это был старый охотничий магазин, живший совершенно определенно где-то недалеко от крошечного рынка со странным именем Барашек. В витринах Магазинчика стояли старинные ружья, чучела и что-то еще, завораживавшее меня. Я не помню, бывал ли я внутри, но у витрины стоял подолгу. Мы жили не так далеко от Барашка, и иногда у меня появлялись возможности забежать к Магазинчику, но редко удавалось мне застать его на месте...

Конечно, впоследствии, уже взрослым, я разобрался в механике этого чуда. Просто там были улицы, тогда чем-то для меня схожие, и я искал не там. А потом, когда запомнил весь этот мирок, Магазинчик переехал жить в другое место... Но ведь это и есть главный вопрос человеческой жизни: в детстве, когда волшебные лавки и двери еще являются нам, мы ищем не там, а потом, вместо поиска начинаем заучивать Мир наизусть...

Однажды, находясь у стариков, я вспомнил про Лавку древностей и подумал, что мне очень повезло, раз она была у меня и не дала забыть про детство. Древность вообще завораживает и оживляет ощущение чудесности мира. И древность, которую ты помнишь, не дает отказаться от поиска.

Тропа всегда была для меня завораживающе наполнена древностью, как Волшебная лавка. Не стариной даже, а именно древностью с ее отсутствием геометрии, технологии, рекламы. Тропа, эти старички, их дома, их игры и чудеса, даже их рассуждения и записи, словно вышедшие из века деревенских славянофилов, корреспондентов этнографического бюро князя Тенишева, похожи для меня на Псковские или Новгородские церквушки шестнадцатого-пятнадцатого веков – неровные, неархитектурные и негеометрические, но словно бы выпеченные из теста и все еще теплые.

Наверное, старики и сами с наслаждением играли в Тропу. Но игра была священна для них как для потомков скоморохов, даже божественна. Они предпочитали и жить, и работать, и даже уходить играючи. Они звали своих собственных дедов и прадедов игроцами. Но если ты не выходишь из игры, то вся жизнь оказывается игрой. Не это ли и подразумевалось, когда были сказаны слова: станьте как дети?!

Я помню странные сказочные ночи со стариками в, казалось бы, таких знакомых мне Савинских и Ковровских лесах, но я помню и не менее странные ночи чудес в обычных деревенских избах, когда мы словно мчались сквозь неведомые пространства. Помню и скоморо-

пши издевки, и подлинные чудеса, и самокопание, чистку сознания, длящуюся сутками, просто сутками подряд! Песни, пляски, игры... и мои обиды! О! мои обиды! Как я обижался! Как я хотел сбежать от них и спасти свою личность! Как я рад, что мне это не удалось!

Не удалось!.. Это еще суметь рассказать, как не удалось! И кому не удалось! Однажды мой первый учитель Степаныч в очередной раз зацепил очень болезненный кусочек моей личности. Не все помню точно, но как-то это выходило на недооцененность. Всплывает уже образ, в котором он мне говорит, что я говно и пришел к нему, чтобы сбежать в старину, а в старину я сбегаю, чтобы отомстить всем, кто меня недооценил, не оценил по достоинству и тем обидел. А поскольку я их победить не могу, то и сбегаю в самоубийство, потому что я трус, слабак и тупица. И я переполнен ненавистью; ненавижу всех, кто меня недооценивает – основной способ моих взаимоотношений с другими людьми, а сбежать из жизни, совершать самоубийство – основной способ взаимоотношений с самим собой. И его лично я при первой же возможности накажу тем, что сбегу и брошу, значит, убью в моем мире!

Мало того, что он меня «готовил» к такому разговору несколько суток, что, значит, делал все, чтобы такие слова ударили побольней, так к тому же это все явно не имело ко мне никакого отношения. Я ощущал в себе немало недостатков, но только не этих.

Я сидел перед ним и держался в облике ученика, сколько хватало сил, вроде бы, пытаюсь все это понять. Даже, кажется, искал какие-то соответствия сказанному в своем мышлении. Вдруг мозги мои словно схлопнулись, я истощился и понял, что не могу больше сдерживаться и изображать ученика. Все, что говорил этот сумасшедший дед, было настолько неточно, неверно, не то, он ТАК не рассмотрел и не понял меня, что стало ясно – учиться у него мне больше нечему. Обижать его мне не хотелось, все-таки он старался, но ведь одновременно он и пользовался мною, чтобы поиздеваться и почувствовать себя выше кого-то! Я не люблю быть мальчиком для битья или навозом для чьей-то почвы. Подчеркнуто ровно, чтобы не обидеть, я поблагодарил Степаныча «за все, что он для меня сделал», сказал, что я многому у него научился, но мне пора идти. И начал собираться.

Он смотрел на меня, как-то странно улыбаясь, но я от усталости никак не мог понять, о чем говорит этот его взгляд, и уж совсем не замечал, что делаю именно то, что он про меня только что сказал! Я сбегал, выкидывая его из своей жизни навсегда, можно сказать, убивал его в моем мире.

Сейчас-то я вижу, какую боль он разбередил во мне, говоря про недооцененность и предательства, но тогда она даже намеком не присутствовала в моем самоосознавании. Это было для меня открытием – в нас живет и такая боль, которую мы запретили себе чувствовать и помнить. А вместе с ней мы вырезали часть себя и часть способности воспринимать мир, соответствующий этой боли. Вот так человечество и теряло Видение, за которым охотятся даже Боги мифов, и без которого никакая Магия не возможна.

Такую боль очень трудно победить, потому что желание сбежать становится с ее приходом всецельным. Сколько людей, которых я не смог удержать, сбежало с Тропы, разбередив ее!

Я помню, что состояние мое стало очень странным – видение сузилось, зрение словно стало «туннельным». Что-то гудело и шуршало в пространстве вокруг. Взгляд Степаныча начал меня пугать, и я избегал его. Я оделся и пошел к двери. Но двери там не было. Я подумал, что спутал в этом состоянии дом. И тут же понял, что это действительно так. Это в доме тети Шуры, бабушки, которая привела меня к Степанычу, дверь находилась в этом месте. И я тут же вспомнил, где дверь в этом доме, и направился туда. Но и там двери не было. Тут уж я без труда вспомнил, что в этом месте дверь была в моем собственном доме, который я купил у другой бабушки в моей родовой деревне. А у Степаныча дверь совсем в другом месте. Но и там я ее не обнаружил, но зато в памяти всплыл образ совсем случайного дома, я даже не помню, из какой местности...

Я не знаю, сколько времени я бродил по всем имевшимся у меня образам домов. Помню только, что возле последней двери я остановился, посмотрел на нее, что-то словно тонко сложилось в моей голове, и я сел рядом с дверью на корточки под стену и задумался. Не могу сказать, о чем я думал, помню только, что плакал и уснул, а когда проснулся, Степаныч с улыбкой сидел передо мной на табурете. Было по-утреннему светло, а уйти я пытался ближе к вечеру. Мне ни на миг не показалось, что это все приснилось. Но утро вечера мудренее, и я знал, что никуда не уйду, потому что мне нужна помощь Степаныча. Я попытался подняться, чтобы сказать ему об этом, и свалился на пол, вопя от боли в ногах. Я катался по полу, скрипя зубами, а Степаныч заходился от смеха и кричал мне что-то о том, что у него бы сил не хватило проспать ночь на корточках, он мне завидует – такой подвиг совершить, и что он уже давно ждет, когда я проснусь – специально не будил, чтобы пробуждение было порадостнее! Сейчас бы я ему, конечно, сказал правильные слова, которые полагается говорить русскому человеку в таких случаях хорошим друзьям. К сожалению, я в то время еще имел запрет на настоящий русский мат!

Степаныч, однако, довольно быстро убрал мои боли, куда-то понажимав и что-то еще поделав с моими ногами, дотащил меня до стола и стал кормить.

– Степаныч, – сказал я, как только меня отпустило, – давай поработаем с недооцененностью!

– Тебе пора домой, – ответил он.

Я засмеялся, считая, что это шутка, что после того, когда он таким образом не отпустил меня, мы просто обязаны с ним залезть в эту мою проблему. Но он набил меня пищей поплотнее и действительно отправил домой, сказав только на дорогу:

– Теперь ты справишься сам.

Помню, как я сидел в пригородном поезде Новки-Иваново, словно больной, забившись в угол, и глядел в мир, окружающий меня, точно сквозь тот же туннель откуда-то из своего далека. За моим столом играли вчетвером в карты, в «дурака», яростно сердясь на своих напарников за проигрышные ходы.

В соседнем купе пили и матерились с затравленными бабами охамевшие мужики. За двухместным столиком у окна обедала семья из пяти человек со скулящим ребенком. Мать держала его на коленях и время от времени шлепала, чтобы не мешал разговаривать, истерично крича: «Да заткнешься ли ты! Не видишь, мы разговариваем! Сиди спокойно, чего тебе еще не хватает?!» И не слушая его, снова ныряла в разговор, крепче прижимая к себе рукой. А говорили они все, по всему вагону, почему-то только о картошке: о том, какая она в этом году, сколько ее, сколько мешков удалось набрать, почем будет зимой, и как бороться с колорадским жуком... Даже пьяные хвастались, как «загнали» кому-то машину краденой картошки... А ребенок все ныл и гадючничал, незаметно скидывая со стола куски еды на пол и матери на платье. Он вызывал у меня отвращение, и я старался его не слышать. Потом я понял, что делаю то же, что и его собственная мать и перевел на него свой «туннель». Это стоило определенного труда – понять его, но вдруг у меня словно прорезался слух, и я начал его слышать. Он просил у матери отпустить его с колен... Наверное, ему было скучно с ними.

Тогда я впервые понял, что Тропа – это иной Мир.

Этнография

Духовное пение старой Руси

Харлампыч

Для того чтобы перейти к пению, мне придется закончить рассказ о сознании некоторыми, условно говоря, техническими деталями из тетрадей моего деда Владимира Харлампыча. Независимо от того, насколько верны приводящиеся в оставленных мне дедом записях данные, сами записи, как и отраженное в них мышление, являются своеобразным историческим фактом, который мне не хотелось бы утратить под предлогом его несоответствия каким-то стандартам или представлениям. В общем-то, я и сам отношусь к этому как к подсказке, персту, указующему куда-то, куда наша цивилизация не пошла, избрав другой путь. Куда? В иррациональность? Мистицизм? Может быть, в сказку?..

Сознание, по офенским понятиям, было не только материально, но имело у каждого живого существа и весьма определенную структуру – «состав». Вероятно, это старое слово состав гораздо лучше подходит в данном случае, потому что человек в его «тонкой», то есть духовной части, представлялся им составным из нескольких тел, как матрешка. Снаружи находится, так называемый, пустырь или поселенный (вселенный) пузырь. Природа его пустотна, почему и возможно вселение в него того, что мы именуем человеком. Дед называет его, как и любое подобное пузырю состояние сознания, словом Гвор. Поскольку сознание правит Силой, как это видели офени, то следующим идет тело силы. Сила вызывает Движение, отсюда – тело движения. Движение – основа Жизни. И мы имеем особое тело жизни с названием Собь, которым правит особая душа – Жива или Живот. Еще ее называют Животной душой или Паром. Жизнь творит Тель и поддерживает ее существование. И мы имеем тела, предназначенные для действий с веществом в условиях Земли. Внутри тела заключено еще одно, но тонкое и гораздо более истинное – наша Чувствующая Душа. Офени вполне определенно считали душу телом на том основании, что только тела могут чувствовать боль, а душа ее определенно чувствует. Задача души – хранить в себе Дух, Искру Божию, а также осуществлять связь между ним и сознанием вплоть до его створожившейся части – физического тела.

Что же такое эта, условно говоря, связь? В чем она выражается? Для понимания этого нам подойдет еще один образ, созданный русским народом – Ванька-встанька. Что заставляет Ваньку-встаньку вставать? Для любого разумного человека очевидно, что тяжесть свинца, залитого в низ игрушки. Но офени с огромным подозрением относились к понятию очевидности, прозревая за ним человеческий самообман. Они в большинстве своем были люди, что называется, рукодельные и сами, возможно, изготавливали этих Ванек. Но это не мешало им заявлять, что Ванька-встанька встает не за счет тяжелого низа, а за счет легкого верха. Иначе говоря, он, как и человек, тянется вверх за счет присутствия в нем легкого духа, а не за счет физических законов тяготения. Поскольку место Души и соответственно Духа в груди, то отсюда и название легких – Легкие Ключи. Я думаю, офени прекрасно понимали, что все это всего лишь метафора, позволяющая говорить о таком сложном предмете как Дух. Но относились они к ней предельно серьезно. По их понятиям, Дух человеческий – не более чем присутствие тяги к возвращению домой, что-то типа «нематериальной стрелки компаса, вмонтированной в нас» на время жизни. И проявляется Дух в нас не более чем вопросом: кто я? Откуда я пришел и куда должен уйти? И все! Все остальные проявления «духовности» – чисто культурные явления, то есть определенные обычаи, без которых вполне можно обходиться, потому что их задача – лишь прикрашивать личность, приспособливать ее к конкретным условиям

жизни, в которые она попала. Соответственно, любовь к мудрости, философия начиналась и кончалась для них одним единственным вопросом – познать себя!

Являясь по сути **тягой к себе**, жаждой возвращения и самопознания, Дух может осуществить это только заглянув в Мир, в Природу, как в зеркало, для чего изливается в них Охотой и Светом. Проходя сквозь множественные тела, и охота, и свет меняются и по чистоте, и по проявлениям. Охота, например, проявляется и потребностями, и желаниями, и даже целями. Свет тоже приходит в мир в разных видах, но что касается Души, то, пропуская его сквозь себя, Душа поет. У деда есть мысль, которая, может быть, и одна могла бы оправдать все его сочинения: «Бог послал меня в этот мир гуслими, то ли свирелью, чтобы я пел. А я так испугался этого доверия, что думал, не как петь, а как сберечь эти гусли – нарастил вокруг них кучу плоти, одежды, стен, собак завел, личность завел, чтобы лучше защищать вверенное мне достояние. У меня теперь Душа поет, как цепной пес».

В этих рассуждениях имеется намек на два важнейших архетипа мышления и, соответственно, культуры – это возвращение и очищение. Возвращение себя – это наиболее общее прочтение таких понятий традиционной культуры, как возвращение утерянного Рая, возвращение народа на прародину, поиск Святой земли, Беловодья, Небесной Руси, Шамбалы, возвращение к Богу, Спасение. Спасение же это возможно только через выбор одного из двух полюсов, между которыми протекает жизнь человека – Чистый или Нечистый, он же Нелегкий (вспомните выражения типа «Куда тебя нелегкая занесла?»). Поскольку «Нелегким», «Нелегкой» называют черта, то может сложиться впечатление, что это выбор между Богом и Дьяволом. Но это было бы уже христианское прочтение. Мы же говорим о движущих силах культуры гораздо более древней и насквозь магичной. Это гипотетично, но мне видится, что, под всеми историческими напластованиями, в конечном итоге, ритуальное очищение есть освобождение от тяжести, которая делает нас человеком телесным, Ванькой-встанькой, и не дает летать. А это, в свою очередь, понималось во все эпохи людьми думающими как очищение личности, мышления и того, что их хранит, – сознания.

Духовное пение, очевидно, создавалось как обрядовая работа для выявления нечистоты сознания, наличия в нем помех и их вычищения. Сознание мыслилось не только сложносоставным, но еще и имеющим внутреннюю организацию, то есть управление. Его внутренние составляющие назывались Медным, Серебряным и Золотым царствами, в центре которых находились Столы или Ядра сознания. Исходя из того, что тело – створожившееся сознание, офени сделали вывод, что звук издается не голосом или веществом, а сознанием, пусть створожившимся. Следовательно, можно заставить звучать любое сознание, используя для этого легкие. Видимо, именно из этого предположения родилась система «пропевания», как это называлось, **прогуживания** ядер сознания и его слоев. Для того, чтобы это получилось, надо не только знать устройство человеческого сознания, но еще и видеть его в деталях, а так же понимать, что такое прогуживание или гудошничанье.

Слово это этимологически, очевидно, связано с наименованием скоморохов – гудошники или гудочники. Обычно исследователи связывают это с гудком – простенькой скрипочкой, на которой играли скоморохи. Общаясь с потомками скоморохов, я понял, что существовало и противоположное мнение – гудок был назван так, потому что он, как и гусли (происходящие от того же корня «густи», то есть гудеть), был инструментом гудошников для внешнего выражения, передачи нутряного гудения. Гудение же, в том смысле, в котором его понимает Духовное пение, было первомузыкой, извлеченной из твоего нутряного гудка, или песней и игрой души.

Если ты гудишь сознанием, то рождается звук, если движением, то твоя песнь будет игрой, скажем, воинской или пляской. Тогда тебе подвластны тела людей, и ты творишь сказку о Гусях-самогудах, а люди пляшут, не в силах остановиться. Если ты пропускаешь этот свет сквозь тело силы, то рождается чародейская песня, такая, например, как кобенье. Тогда тебе

подвластны тела животных, и ты можешь прорицать Судьбу. И все это ступени жреческого обучения, насколько я понимаю.

Но ни овладеть движением, ни силой, ни пойти дальше ты не можешь, пока не стал хозяином самому себе, хотя бы в отношении сознания. Почему офени считали, что мы не в себе, не хозяева в собственном доме? Сегодня я могу с полной уверенностью сказать, потому что они это просто видели. Человек, являющий из себя все описанное выше богатство составных частей сознания, как Ванька-встанька-наоборот, «стянут» в вертикальном отношении к своему верхнему «полюсу» – голове. Это явно связано с мышлением, которое не позволяет ему присутствовать осознанием в средней и нижней части тонких тел. Может быть, именно из-за этого и родились эзотерические представления о том, что где-то в районе солнечного сплетения – пупка находится «Центр силы». Лично мне сейчас кажется, что это древняя ошибка, вызванная реальным видением эзотериков обычного человека как человека без Силы, у которого «не работает нижний центр». Одновременно, когда изредка кому-то удавалось овладеть управлением Силой, то глаз видящего обнаруживал у него работающим нижнее ядро сознания. Это, очевидно, и совместились в понятие центра Силы. Судя по представлениям офеней, для того, чтобы управлять силой, надо иметь не какое-то особое ядро сознания раскрытым, а все свое сознание свободным и управляемым. Тогда тебе даже думать не придется ни о каких ядрах или центрах, а уж тем более о специальных упражнениях для их накачки. Это мне напоминает проблему с кундалини, считающуюся ключевой для практически всех последователей «индийского пути». Притом, что Будда, один из весьма немногих разгадавших загадку этого пути, ничего не говорит о кундалини, словно ее вообще не существует.

Проблема обретения сил и способностей была для офеней проблемой их высвобождения очищением сознания. В идеале это должно было дать полную ясность сознания, которая, очевидно, сопоставима с понятием просветления или святости. Но это особая тема, требующая отдельного разговора. Пока же я хотел бы рассказать, как меня учили овладевать собственным сознанием.

Поханя

Я совершенно не обладал слухом, но, тем не менее, попросил Поханю научить меня Духовному пению.

– А чего тут! – ответил он. – Бери да пой. Сердцем ты светишь.

Он имел в виду показанное мне еще Степанычем упражнение, которое мой дед называл молением Световидовым. Вначале, прочитав такое название в дедовском «гроссбухе», я подумал, что это просто его фантазия или что-то почерпнутое из книг Афанасьева или других мифологов. Дело в том, что Световид, а точнее, Свентовит – бог вроде бы не наш, а западно-славянский. Бытование такого имени на Верхневолжье невероятно. Но Степаныч с первых же моих уроков начал учить меня определенному виду работ с ядром сознания, называвшимся у деда Середка. Степаныч чаще называл его Сердце и заставлял «возжигать» его Светом. Для меня это упражнение по некоторым признакам совместились с дедовскими записями о Световиде, и я попытался выяснить у Степаныча, так ли это. Когда я задал ему свой вопрос, он только поморщился:

– Ничего не понял.

Я посчитал, что говорил путано, и сделал еще одну попытку:

– У деда в тетради есть запись о молении Световидовом в Середке, – повторил я, пытаюсь быть предельно логичным. – Но он больше почти ничего не говорит. То, чему ты меня учишь, кажется, и есть моление Световидово?

– Ну, тебе лучше знать, – неожиданно для меня ответил Степаныч.

– погоди, Степаныч, откуда мне знать?!

– Ну я же не читал твоих тетрадок.
– Причем тут тетради! А сам ты не помнишь, это называлось молением Световидовым?
– Может, и называлось, какая тебе разница? Я тебя делу учу, а тебя куда понесло?
– Интересно...
– Интересно, так работай. Почему тебе вместо дела постоянно болтать надо?!

– Ну хотя бы потому, что если это так, то это дает мне дополнительные образы для осмысления.

– Какие образы?
– Смотри, Световид – это тот, кто видит свет, и кто виден светом, как свет, то есть, и кого видит свет – и свет-мир, и свет-природу, весь белый свет и даже, может быть, кто видит светом!..

– Да, действительно... – задумался Степаныч, – очевидно, это тебе что-то дает... Кто тебя знает, может, это тебе даже важней... – он еще подумал, встряхнулся и сказал решительно. – Да, это – моление Световидово!

Эта решительность заставила меня усомниться в его словах, но я не рискнул больше приставать.

Степаныч научил меня, как «возжигать» это и другие ядра сознания, как видеть их у других (именно на этом видении основывалось старое офенское приветствие «Со светом по свету») и даже как входить в сознание другого при обучении, чтобы подправить вхождение в ядро или стогно. Но мне до сих пор жаль, что я оказался нетерпелив и задал вопрос про Световида. Если бы я дождался, чтобы кто-то из стариков сам его назвал, это было бы таким открытием!

Умение изливать свет из любого ядра или стогна было потом закреплено теоретическими объяснениями следующего учителя – Дядьки. Но и он и Степаныч в основном показывали, как это делать осознанием. В отношении же гудошничанья и передачи света другому основную работу проделали Похання и его жена тетя Катя, когда обучали пению.

Тут надо сразу сказать о том, что многое из показанного ими в то время мною никак не воспринималось как относящееся к пению. Все это совместилось в более-менее цельную картину значительно позже. То же самое **прогуживание** я сначала воспринял как необычную подготовку плясуньи к пляске – Похання брал тетю Катю за руку и прогуживал ее через каждый пальчик, точно играл на свирели. Потом она плясала для меня какой-то плавный и очень сильный по воздействию танец, связанный, очевидно, с замужеством, потому что Похання сказал про него: «По красоте плачет...» («Красота» произносится с ударением на первом слоге). Сразу расспросить подробнее у меня не получилось, а потом все словно стерлось, я даже слов не мог подыскать, когда вспоминал этот пляс.

Когда мы с Поханией ходили в лес, он учил меня **айкать**. Для меня это было интересно, потому что очень сильно напоминало те звуки, которыми охотники посылали за зверем гончих, когда я еще охотился. В айкании употребляется всего четыре слова: ай, ой, эй и поть. Из них создается весьма своеобразная мелодия. Начинается с громких повторяющихся: «Ай-Йай-Йай», – потом ты начинаешь частить, – «йа-я-я-я-я-я-я-я», – и без перехода выходишь на «Е-аааАааАааАААЙИ». Переборы в конце, которые я попытался передать чередованием прописных и строчных букв, означают своеобразный горловой перелив. Именно горловой, и Похання неоднократно это подчеркивал, что его задача вообще – раскрыть горло. «Ой» поется сходно, только с тем отличием, что имеет свойство в конце переходить на ту же третью часть, что и у «ай». «Эй» поется примерно по той же схеме, что и «ай», только сильно сокращая первую часть и почти сразу переходя к короткому перебору. «Поть» же состоит из двух частей. Сначала долгий перебор: «Поть-поть-поть-поть-поть-поть», – а потом сходное с завершением «ай» горловое: «По-о-О-о-О-о-О-о-О-О-О-ТьЭ». Другим названием для этого было «посыл».

Обычно он заставлял меня айкать, когда мы еще только выходили за деревню и шли полями. Это жутко неудобно, и я не мог это делать без смеха. Все время казалось, что кто-то услышит и посмеется. Тогда Похania заставил меня **каркать** в ответ любой пролетающей или каркающей вороне. Я не сразу оценил это упражнение.

Пока вы вдвоем, гораздо легче издать любой «неприличный» звук, то есть звук, за который другие люди тебя могут осудить. Вдвоем у тебя всегда есть возможность оправдаться тем, что вы дурачились. Когда ты один, такое оправдание для тебя не существует. Нельзя дурачиться в одиночку. Дураком можно быть только в обществе других людей. Не задавались вопросом, что значит дурачиться?..

Когда я попробовал каркать в одиночестве, просто идя по лесной дороге, это стало потрясением. Горло мое буквально перехватывало чем-то, крутило в узлы, сжимало, звуки не шли, все время казалось, что сейчас из-за ближайшего поворота или просто из-за деревьев выйдет кто-нибудь и неодобрительно на меня посмотрит, а то и хуже!.. Только стоящая перед глазами картина того балагана, который из карканья устраивал сам Похania, поддерживала меня. А он мог завестись и так раскаркаться, что все окрестное воронье тучей кружилось вокруг нас или же следовало за нами всю дорогу, перелетая с дерева на дерево.

В одиночестве же в первый раз мне потребовалось часа полтора, не меньше, чтобы у меня получилось хорошее карканье, чистый горловой звук с опусканием в сердце, ядро и живот. Впрочем, карканье вещь сложная и, в зависимости от задач, которые ты перед собой ставишь, может перейти и в небный звук.

Однако обучение всему этому шло как бы походя, и только после моей просьбы научить духовному пению Похania заговорил о ядрах сознания. Сказав мне в ответ на просьбу, что «сердцем я свечу» и, следовательно, помех нет, он словно усомнился в своих словах через какое-то время и сказал, что придется учиться **вабить**.

– Конечно, ты светишь, и сердцем и ядром... но, если петь, тут еще сила нужна...

Что такое **вабь**, я знал еще по охотничьим временам. Вабить – это выть волком, чтобы подманить его. Но самому мне этого пробовать не приходилось, поэтому я буквально зажегся от интереса:

– Когда?

– Да хоть сегодня ночью! – ответил он, и они оба с тетей Катей засмеялись, глядя на меня.

– А ты знаешь, чего она смеется? – спросил Похania. – Она ведь тоже вабит. Мы с ней еще и до войны, и после войны охотникам помогали, волков вабили.

– Тогда ж волков-то у нас много было, – закивала она в ответ на мой удивленный взгляд. – Зимой так прямо опасно было, до Коврова можно было живым не добраться...

– Моя Катя, вишь, в бою науку проходила! – еще раз засмеялся Похania.

Вабить

К вечеру мы втроем ушли в лес довольно далеко от деревни. Похania выбрал интересное место – участок ползаросшей лесной дороги, подымавшейся на холм. Там, наверху, в сторонке от дороги мы расположились, развели костерок, сварили чайку, в который тетя Катя побросала каких-то трав «для смягчения горла», и стали ждать луну. Они все посмеивались, что в округе опять будет множество разговоров о волках после этой ночи. Я лежал на старой фуфайке возле костра, а они привычно хозяйничали. Чувствовалось, что им приятно было вот так вот снова сходить в лес, посидеть у костра, можно сказать, тряхнуть стариной. Было тепло и очень спокойно, и все это случилось благодаря мне. Мне это все ужасно нравилось.

Как только сумерки более или менее определились и сквозь верхушки деревьев проглянула почти полная луна, Похania кивнул тете Кате, а потом пихнул меня в плечо:

– Ну, подите. Поучись сначала волчицей...

Мы отошли с ней на дорогу. Я с любопытством наблюдал за бабкой: вабить – это совсем не женское дело, по моим охотничьим понятиям. Она поставила меня справа от себя, чуть сзади, велела слегка подогнуть расслабленные колени и «отпустить», как они это называли, живот. Я расслабился и вошел в ее сознание.

Она немножко присела, обвисла, поднесла ладони ко рту и, словно подхватив что-то с земли, вдруг издала одновременно гудящий и воющий звук, начавшийся довольно тонко, потом поглубевший, словно расширившийся и легший на землю, а потом снова медленно и долго утоншающийся почти до звона, и так и отпустила его протяжной длинной нотой в сторону луны. У меня всю кожу стянуло мурашками...

Она постояла, слегка покачиваясь, и раз за разом провыла волчицей еще трижды. Где-то в деревне залаяли собаки. Меня знобило.

– Пойдем, погреемся, – предложила она, улыбнувшись, и перекрестилась. Я с удовольствием сбегал к костру.

Мы посидели у костра, попили чайку. Меня отпустило, и Похання велел мне попробовать повить самому.

Мы ушли с тетей Катей на прежнее место, она показала мне, как стоять, как подносить руки ко рту, как пускать звук сначала по земле, а потом вскидывать его вверх к луне.

Я попробовал несколько раз и с какого-то мгновенья начал «чувять звук» – он заполнял сначала всю грудь, а потом подымался, но не в рот и не в горло, а словно бы в голову, и даже зубы звенели, когда задевали друг друга. Я даже поймал себя на мысли, что боюсь, как бы эмаль у зубов не рассыпалась.

Тетя Катя и сама еще несколько раз показывала мне вой, чтобы подправить и подстроить меня. Потом сказала:

– Хватит пока, лишку бы не было.

Меня действительно слегка мутило, и словно плыло что-то в голове. Мы вернулись к Похане.

– Ну что, Кать, натаскала нового вабильщика, – засмеялся он, – потянет на охоте?

– Да, поди, потянет, – улыбнулась она. – Волчицей.

Меня почему-то слегка задело, что я оказался в какой-то женской роли, хотя можно ли применять в том мире эти понятия?.. Пока я размышлял об этом, старики предались воспоминаниям о старых временах, и я отвлекся, хотя и решил напоследок, что обязательно научусь выть самцом. Кстати, так и не научился... Похання прекратил свои охотничьи байки только когда меня отпустило и предложил:

– Ну, ладно, а матерого хочешь?

Я просто молча поднялся.

– А силенки хватит? – спросил он, вглядываясь во что-то во мне.

– А хватит? – переспросил я, отдавая ему право самому определить это, потому что действительно не имел понятия, сколько мне потребуется сил и на что.

Он подумал, потом предложил:

– Ну, давай еще немножко поговорим. Вот ты свет держать можешь в сердце...

Я тут же вспомнил то самое «моление Световидово» и «зажег сердце». Похання кивнул, глядя в меня:

– Ну, да. Это ты его зажигаешь... а можно гуднуть – звучать, то есть, заставить. И при пении сердечном сквозь него гудут, и при вабеньи. Ну, это, конечно, зависит от желания. Если волка подманить, можно и горлом... молодых, например. А вот если обернуться... да и просто других в пении удержать, чтобы не выпадали, тоже гудеть надо и сердцем и ярлом.

– погоди, Похання, – прицепился я, – ты сказал обернуться?..

– Обернуться? – он сделал вид, будто не помнит или не понимает меня.

– Обернуться, обернуться! – настаивал я.

– Ну, ладно, потом... много чего старые люди рассказывали... потом. Может и сказал. Ты сейчас голос раскрывать пришел, так вот смотри, сердцем гудишь вот так, – он загудел, но тут же прервал, указав пальцем на горло. – Я начну отсюда и поведу вниз, – он провел пальцем по срединной линии груди до солнечного сплетения. – А ты следи в своем теле.

Он загудел. Сначала я просто слышал его гудение, потом вдруг почувствовал дрожь в собственном горле. Он набрал воздуха и еще подержал гудение здесь. Затем он начал медленно опускать палец с горла на грудь, и я действительно увидел, что звук начал опускаться в его теле вместе с пальцем. И что меня поразило, дрожь в моем теле тоже стала опускаться. Неожиданно для самого себя я открыл рот и стал негромко гудеть вместе с ним. Он кивнул мне, не останавливаясь. Звук медленно опустился за грудную кость и пришел как раз в то место, которое я зажигал светом, и которую Степаныч и Дядька называли Сердцем, а мой дед Середой. И тут же пространство вспыхнуло белесым светом и поплыло вокруг меня.

Какое-то время Похання удерживал звучание в Середке, а палец напротив этой точки, и мы гудели совместно, прерываясь лишь для того, чтобы набрать новую порцию воздуха. Затем его палец начал так же медленно опускаться ниже к солнечному сплетению. Это я уже, скорее, почувствовал внутри, чем увидел, потому что все вокруг вдруг начало меркнуть. Костер стал контрастным, словно нарисованный, а Похання то пропадал, то появлялся снова, но совсем с другим лицом каждый раз. Я скосил глаза, посмотрел на тетю Катю и чуть не потерялся: вместо нее за мной наблюдала молодая красивая девчонка, которой я боялся, потому что почему-то посчитал ее колдуньей... Но мысли мои тут же оборвались, потому что загудело и завибрировало солнечное сплетение...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.